

XXVII

1. Ведь чувства остальных животных, хотя они и те же самые, менее всего сходны с прекрасными и достойными человека чувствами. Животные не умеют различать и выбирать красивое; наслаждаются только своим пением или пением своих сородичей, осязания почти вовсе лишены, их вкус не дает им возможности почувствовать разнообразие пищи и выбрать лучшее, обонянием они пользуются только для того, чтобы добыть пищу, находящуюся на расстоянии, однако и это по природе не у всех, и, вероятно, никто из них никакого наслаждения от этого чувства не получает.

XXVIII

1. Не знаю, как случилось, что, когда я начал рассуждать о телесных благах, речь отклонилась к благам внешним. Скорей всего, когда я показал, что красота помещена среди благ, ибо наслаждает глаза, пришло на ум нечто другое, также имеющее отношение к превосходству красоты. Это были внешние блага. Таким образом я, не подозревая, исследовал всякое наслаждение, которое вызывается внешними благами. Тем не менее вышло очень кстати, поскольку внешние блага приносят большее наслаждение, чем блага тела. Ведь красота приятнее кому-либо чужая, нежели своя, как я сказал относительно мужчин и женщин. А если кто наслаждается своей красотой или голосом, то наслаждается ими словно внешней вещью.

2. Действительно, одна и та же вещь не может содержаться в чем-то и заключать его в себе. Нечто иное есть цвет по сравнению с глазом, пение по сравнению с ухом. Цвету и пению так же радуется глаз и ухо, как уста гранату и нос запаху розы. Потому цвет и звук, как наши, так и чужие, числятся среди внешних благ. Сила же, быстрота и другие качества, которые являются благами тела – ни чужие, ни свои – никому не приносят радости потому, что после красоты они, по видимому, не принимаются в расчет, поскольку наслаждения не вызывают. Из этого ясно, что внешние блага, а не блага тела дают, а чувства воспринимают наслаждения. Как после этого можно удивляться, что внешние блага называются благами, между тем как они и являются почти единственными благами.

XXIX

1. Однако блага тела важны для многих других вещей, например, чтобы приносить похвалу, которая является радостью, присущей душе и приходящей извне из восхищенных отзывов людей; а также и для многого другого. И если сами они не рожают телесного наслаждения, то готовят нечто такое, чем тела наслаждаются. Например, Геракл, сообщают поэты, среди многих выдающихся женихов был расцenen как самый достойный Деяниры, поскольку оказался сильнейшим среди соревнующихся. Равным образом в беге, устроенном для женихов, Пелоп и Гиппомен добыли один Гипподамию, другой – Аталанту.

XXX

1. Поэтому, как красота превосходит силу, так внешние блага превосходят блага телесные. Ведь я объяснил, что красота является внешней вещью, сила же, хотя она многим кажется телесным ощущением, является благом здоровья, так как без нее нельзя ни возратить, ни сохранить его.

XXXI

1. Как бы то ни было, достойно замечания, что только то должно называться наслаждением, в чем сходятся воспринимающее и воспринимаемое: глаза и блеск, небо и гранат и тому подобное. Мы справедливо называем наслаждение благом потому, что оно происходит от обоих, словно от своих родителей. Душа и тело со своей стороны воспринимают, внешнее воспринимается.

XXXII

1. Мы сказали о внешних благах, которые относятся к телу. Блага, относящиеся к душе, я назвал выше: благородство, родственные связи, власть, должности и тому подобное; впрочем, некоторая часть их приносит большую радость телу. У меня нет намерения говорить о них больше, поскольку происходят они не столько от природы, сколько от людей, так же как и такие блага души, как ремесло, знание, наука. Мы же говорим о предусмотрительности и разумности природы, которая, как я показал, для того создала столько благ, чтобы мы ими наслаждались.

XXXIII

1. Те четыре качества, <...> которых вы требуете с обычным для вас высокомерием, не достигают ничего другого, как той же самой цели. Но я бы сразу не согласился с тем, что есть только четыре источника добродетели и только четыре аффекта, о чем будет сказано в другое время, так как сейчас в этом нет необходимости. Благоразумие – я скажу об этой очевидной вещи очень